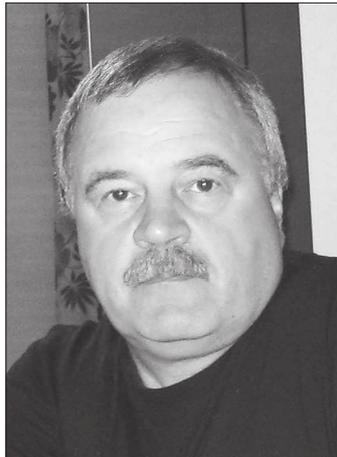

Олег ГОНОЗОВ

Родился в 1956 г. в Ярославле. Окончил Московский государственный институт культуры. Работал проводником поездов дальнего следования, электриком на заводе, инструктором горкома ВЛКСМ, художником в городском парке. С 1988-го в СМИ: корреспондент, собкор, редактор отдела новостей.

Рассказы публиковались в коллективных литературных сборниках: «Берега», «Молодые ярославцы», «Откровенный разговор», «Окно», «Воскресенье», «Губернаторский сад», в еженедельниках «Литературная Россия» и «Секрет» (Израиль).

Автор книг прозы: «Судьбы на ветру» (1991), «Татьянин день» (1996), «Эффект присутствия» (2004), «Смерть в Хургаде» (2010), «Из Кошанска в Москву» (2012).

Член Союза журналистов России и Союза российских писателей, заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Ярославле.

Шизофрения

Рассказ

1

— Эта всё макулатура, — брезгливо окинув книги взглядом, бросил кавказец. — Эта никто не купит... Проще выбросить на помойку!

— Маринина — макулатура? — не понимал Соколов. После сорока он туго улавливал смысл в том, с чем не мог категорически согласиться. Сознание стопорило. Ролики заходили за шарики, шарики — за ролики, как говорили в детстве. Но больше всего напрягало, что набитую книгами спортивную сумку, как пудовую гирию, придётся тащить домой. И он переспросил: — Маринина — макулатура?

При этом его осунувшееся, неделю небритое лицо наполнилось такой вселенской печалью, что «книжный червь» в целях личной безопасности решил пойти на попятную. Никто не знает, что ожидать от этих ушибленных на голову интеллигентов? Не дай бог, кинется с кулаками. Или хуже того — шмякнется на пол и с пеной у рта задёргается в эпилептическом припадке.

— Ладно, чиво у тибя ещё? — через губу бросил дагестанец.

Или чеченец. А может, ингуш. Кто их знает, если на рынке они все на одно лицо — лицо кавказской национальности. Худощавый, горбоносый, с воровато бегающими глазами владелец торговой точки не вызывал у Соколова симпатии. С такой физиономией его место на доске «Их разыскивает полиция!».

Где-то месяц назад этот метр с кепкой принимал в своей избушке на курьих ножках пивную стеклотару. По двадцать копеек «за бутылку». А теперь, язык не поворачивается сказать, переквалифицировался в букиниста. Да из него такой же книголюб, как из орангутанга балерина. Но ведь хватило ума повесить на единственном немытом окне объявление: «Покупка-продажа б/у книг». И дело пошло. Наладилось. Потянулся народ. Кто из любопытства, а большинство, как Соколов, в надежде расчистить дома книжные завалы. Тут абрек, наверное, прав. Безденежье отвернуло читающие массы от женских и вообще детективов.

— Да у Марининой одни названия книг не меньше чем на тридцатку тянут, — вспомнил Соколов слова торговавшего на рынке синяка. И снова пошли шарики за ролики, ролики — за шарики... Стало как-то совсем нехорошо. Тревожно. Он даже забыл, о чём речь. Ах да, о Марининой. Александре Марининой, чьи романы он когда-то проглатывал в одну ночь и, как ребёнок долгожданной игрушке, радовался каждой её новой книге.

— Ты посмотри, что за книги: «Смерть и немного любви», «Светлый лик смерти», «Смерть ради смерти»! — Соколову нравилось хлестаться словом «смерть». Ему думалось, что оно действовало магически. Но у торговца была своя реакция.

— Каму нужна эта хирня? — кипятился он, рассматривая броские обложки книг. — Тибе не нужна, значит, и другим людям не нужна. Вон сматри, сколько у миня этова добра — толка места занимают.

На дощатом некрашеном полу у стены красовалась полуметровая горка из книжек в мягких обложках. Александра Маринина, Дарья Донцова, Наташа Нестерова и ещё с десятков каких-то уж совсем ничего не говорящих авторов.

— Па чирвонцу ни бирут, — продолжал кавказец.

— Так у меня же твёрдый переплёт, суперобложка! — как последние козыри бросал Соколов.

И тут, скользнув взглядом по полке с надписью «Всё по тридцать», он увидел «Мастера и Маргариту»! Бессмертный роман Булгакова тоже шёл за тридцатку! Видно, страна и впрямь разучилась читать!

— Латна, — поймав его взгляд, усмехнулся горец. — Угавариль... Биру твою макулятуру по пят рублей!

— Я пока не сумасшедший! — заметил Соколов, неуклюже вскидывая ремень спортивной сумки на плечо. А сам ещё подумал: с таким отношением к книгам скоро действительно крыша поедет.

2

К книгам Володя Соколов прикипел с детства.

Его отец, возглавлявший отдел кадров районного узла связи, собрал, благодаря занимаемой должности, богатую библиотеку. В книжных шкафах, как на ярмарке тщеславия,

корешок к корешку теснились собрания сочинений Пушкина, Достоевского, Джека Лондона, Герберта Уэллса.

Каждый сентябрь во время подписной кампании на газеты и журналы у отца на работе в качестве поощрения партийного, профсоюзного и комсомольского актива распределяли приложение к журналу «Огонёк». Борис Фёдорович отбирал всё самое ценное. В отличие от инструктора по подписке Зиночки Бромовой он судил о книгах не по переплётам, а по содержанию. Зиночка же, только что справившая новоселье в малосемейном общежитии, подбирала собрания сочинений под цвет обоев.

— Нашей семье с писательской фамилией негоже книг не читать, — не раз подчёркивал отец, демонстрируя гостям своё книжное богатство.

И его менее продвинутые коллеги тут же начинали судорожно припоминать, кого он имеет в виду. При этом кто-то молча кивал головой, как игрушечный болванчик. Кто-то спешно, словно боясь, что его опередят, называл известного поэта Владимира Соколова. Но встречались и такие начитанные товарищи, что вспоминали даже несправедливо забытого Ивана Сергеевича Соколова-Микитова. Правда, никто, кроме отца, не знал, что тот написал. О Саше Соколове с его «Школой для дураков» в ту пору вообще никто ничего не слышал.

— Неужели всё прочитали? — близоруко рассматривая корешки фолиантов, интересовались умные тётеньки и дяденьки.

— Нет, конечно, — самодовольно признавался отец. — Но стараюсь по мере сил и возможностей...

— Боря — очень серьёзный читатель, — встревала в разговор супруга. — Без книги не уснёт! И если уж возьмётся за какого-то автора, то читает с первого до последнего тома всё собрание сочинений подряд, ничего не пропускает — ни переписки, ни комментариев, ни примечаний...

От плохо скрываемой зависти гости сглатывали, как собака Павлова, слюну. А у кого-то просто не укладывалось в мозгах, зачем людям столько книг, если всё необходимое можно взять в библиотеке! Отец и сам ломал голову над этой загадкой. Но сдаваться не собирался:

— Выйду на заслуженный отдых, отчитаюсь по полной программе, — произносил он с лёгким придыханием. И непременно цитировал Белинского, говорившего, что книга есть жизнь нашего времени. А затем, погладив по кудрявым волосам скромно сидящего в кресле с «Квентином Дорвардом» сына, развивал мысль дальше. — Но самое главное, что весь этот духовный капитал Володьке достанется, чтобы он вырос настоящим человеком. Мы с Катей, в отличие от многих, за коврами и хрусталём не гонялись. У нас и машины нет — все свои скромные сбережения тратили на книги.

3

По объявлению «Продаю двадцатитомник Вальтера Скотта в хорошем состоянии» не позвонил никто. Ни один человек! А Соколов, откровенно говоря, уже наработал целую схему возможного разговора, чтобы, с одной стороны, не спугнуть покупателя, а с другой — не продешевить.

Готовя словесный аркан, Соколов хотел убедить собеседника, что совсем не ориентируется в ценах. Мол, полный ноль. И только после того как его примут за лоха, как бы случайно всё же заметит, что ему предлагали по сто рублей за том. И сразу пойдёт на попятную. Мол, это было давно и неправда. А сколько стоит Вальтер Скотт сегодня, не имеет никакого представления. Но готов рассмотреть все предложения. И тут же с наивностью ребёнка поинтересуется, какую всё-таки сумму собирается выложить позвонив-

ший. Если тот начнёт крохоборствовать и опускать цену ниже плинтуса, то Соколов скажет, что ему надо подумать и, вообще, у него не горит расставаться с любимым писателем миллионов. Книги в хорошей сохранности, практически не читанные. Но телефончик звонившего для порядка запишет в свой затёртый ежедневник. И будет ждать более щедрого ценителя одного из величайших писателей мира, которого сам Пушкин называл «шотландским волшебником».

Через неделю Соколов повторил объявление. И денег за публикации с него не брали — в газете работал школьный приятель. А то бы, вообще, разорение. Но снова тишина! Ну, хоть бы какой-нибудь старшекласник клюнул или из сельской библиотеки позвонили, в глубинке всегда было плохо с книгами. Тишина.

Уговаривая знакомого тиснуть объявление в третий раз, Соколов твёрдо решил, что пора остановиться. Ему даже как-то стало совестно. И не столько перед приятелем, сколько перед Вальтером Скоттом, как известно, с детства хромавшем на правую ногу. Писатель умер в шестьдесят один год. Но даже незадолго до кончины, пережив апоплексический удар, сопровождавшийся параличом, всё равно продолжал писать. А теперь никто не хочет купить его самое полное, изданное пятьдесят лет назад в Ленинграде, собрание сочинений!

«Но, если не берут Вальтера Скотта, может, клюнут на Сервантеса?» — подумал Соколов и поплёлся к приятелю-газетчику, чтобы тиснуть новое объявление. В тесном, похожем на каморку папы Карло, отделе рекламы девушки-сотрудницы подошли к его тексту творчески. Правда, сначала похихикали. Потом что-то добавили, что-то вычеркнули, поменяли пару слов местами. В итоге получилось: «Продам пятитомник Сервантеса из библиотеки «Огонёк», 1961 год издания, недорого. Жёлтая обложка, твёрдый переплёт, гравюры Доре. Книги в хорошем состоянии». Не помогло!

В ярости Соколов выбросил кумира своего детства из книжного шкафа. Никого не интересующее жизнеописание хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского и его верного оруженосца Санчо Панса разлетелось по всей комнате. В порыве негодования Соколов принялся топтать книги, но, наткнувшись на портрет автора, вдруг совсем не к месту вспомнил его полную жизненных напастей биографию. Судьба как будто с юных лет ополчилась против гениального испанца. Выросший в беспросветной нищете Мигель де Сервантес Сааведра был вынужден встать под ружьё в ряды испанской армии в Италии. В одном из морских боёв он получил несколько огнестрельных ранений и в результате тяжёлого увечья перестал владеть левой рукой.

Но это были ещё цветочки. Ягодки пошли, когда по дороге домой галера «Солнце» была захвачена пиратами. Морские разбойники запросили за богатого и знатного, по их мнению, пленника немислимый выкуп в пятьсот золотых эскудо. Чтобы родственники были сговорчивее, узника заковали в цепи, на шею надели железное кольцо. Сервантес предпринял три попытки к бегству, но все они закончились неудачно.

Путём невероятных жертв и полного разорения родственники Сервантеса собрали деньги, но сначала из ужасной алжирской неволи был выкуплен младший брат Родриго и только спустя три года — Мигель. Вернувшись на родину, калека — ветеран войны устроился сборщиком налоговых недоимок, но и здесь его ждала неудача — он угодил в Севильскую королевскую тюрьму, где провёл около трёх месяцев.

Сервантес прожил 68 лет, писательская известность к нему пришла в шестьдесят. Но перед тем как вышла вторая часть его бессмертного романа «Дон Кихот», в продажу поступил подложный второй том некоего Авельянеды, что, безусловно, ускорило смерть писателя...

Кому это интересно? Никому! Как в частушках Бандурина и Вашукова: «Кому это надо? Никому не надо. Кому это нужно? Никому не нужно». Хотя, помнится, был один звонок. В десятом часу вечера: «Аллё! Мне бы Доре!» — попросил не слишком трезвый собеседник. «Кого?» — не понял прикорнувший над книгой Соколов. «Доре! — повторили в трубку. — В объявлении так и написано — Доре, гравёр... Надо на надгробном камне надпись добавить...» — «Какую ещё надпись?» — припоминая, что в объявлении, кажется, было указано: «Гравюры Доре», — усмехнулся книголюб. «Мамину...» — ответил звонивший. Но Владимир Борисович уже положил трубку.

4

Книги из домашней библиотеки интересовали Владимира по мере взросления всё меньше. Это в шестом классе, придя из школы, он хватался за Герберта Уэллса. Любуясь великолепными иллюстрациями Пинкисевича, запоем читал «Войну миров», «Человека-невидимку», «Машину времени». Теперь он мечтал о других книгах, которые можно было купить только по абонементам Союзглаввторресурса за сданную макулатуру.

Была такая фишка в годы застоя: «Сдай 20 кг макулатуры — спаси дерево!» Началось приобщения советского читателя к книжному дефициту положили «Королева Марго» Дюма и «Женщина в белом» Коллинза. И сразу же возле разбросанных по городу пунктов приёма вторсырья стали выстраиваться чудовищные очереди из желающих сдать макулатуру. Народ тащил перевязанные бечёвкой стопки газет, оберточной бумаги, картона. Но талоны удивительно быстро заканчивались. И люди записывались на следующий день. И снова разочарование. За время ожидания списки ветшали, терялись — и вдруг совсем неожиданно появлялись новые.

Но, чтобы получить заветный томик, мало было принести 20 килограммов старых газет и журналов. Нужно было еще умудриться поменять несколько талонов на один. А потом подловить момент, когда долгожданная книга появится на прилавке книжного магазина. У каждого талона с пугающим на обороте предупреждением, что «подделка абонемента карается законом», имелся определённый срок действия. Вот здесь и вылезали из щелей разные «книжные жучки», быстро прибравшие к рукам всю цепочку, связывающую выдачу и реализацию абонементов на макулатуру. Так что заветные талоны было проще купить, чем получить в обмен за кипы бумаги.

А ещё надёжнее было купить книгу непосредственно у книжных спекулянтов, среди которых было немало короедов с высшим образованием. Интеллигентного вида мужчины с кожаными портфелями и «дипломатами» толкались возле книжных магазинов, задавая прохожим один и тот же вопрос: «Что-нибудь ищите? Могу предложить...» И звучало предложение, от которого было трудно отказаться. В «волшебном» чемоданчике прятался Морис Дрюон с серией о проклятых королях или Александр Дюма с тремя мушкетёрами.

Правда, время от времени появлялись вездесущие сотрудники из отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности. Одеты в гражданскую одежду, они выскакивали из-за угла, как черти из табакерки, и устраивали возле книжных магазинов настоящий переполох. Заглядывали прохожим в портфели, требовали чеки на имевшиеся книги. Но с поличным брали разве что новичков, потому что всех настоящих спекулянтов знали в лицо. И здоровались с ними за руку.

Как-то Соколов из-за своей доверчивости тоже, совсем как у Высоцкого, влип в историю глупую и взят был опергруппой. Правда, не на бану у ресторана, а во дворе обычной блочной пятиэтажки. За неделю до этого задержания он познакомился на рынке с неким

Вадимом, патлатым молодым человеком, предложившим список книг из приключенческой серии «Стрела». Причём весьма недорого: за два номинала от цены. Договорились о встрече. И в обговорённый час Соколов с кожаным портфелем и деньгами был в условленном месте. Но Вадик вышел из подъезда не один, а в сопровождении оперативников.

Как выяснилось, приехавший к родственникам паренёк сразу положил глаз на дядюшкину библиотеку и в отсутствие хозяина стал потихоньку «крысятничать»: вытаскивать книги из задних рядов книжных шкафов. Натаскал на полтора года условно. А Соколов, так и не успевший купить ни одной книги, пошёл по делу свидетелем. Для численности. Процесс был показательным и проходил в том самом Дворце культуры, где по субботам собирался клуб книголюбов. После суда его, естественно, прикрыли.

Но книголюбы остались. Самым известным «книголюбом» считался Паша Блинов по прозвищу Хитрый. Высокий, гладко выбритый мужчина с копной смоляных волос, в длинном чёрном плаще и отполированных до блеска лакированных туфлях, он производил впечатление научного сотрудника из какого-нибудь НИИ. Глядя на него, нельзя было даже подумать, что его квартира напоминает склад магазина «Книга — почтой». Но при себе книг у Паши никогда не было, что при первой встрече вызывало у покупателей удивление. Ещё большее впечатление производило то, что книги, которые предлагал Хитрый, он порой выносил прямо из дверей книжного магазина.

И такие хитрые паши паслись возле всех крупных магазинов страны. От Москвы до самых до окраин. В столице они вообще только этим и жили. Как-то, оказавшись возле главного книжного магазина на проспекте Калинина, Соколов купил из-под полы заветный томик Булгакова. За два романа в одной обложке — «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» — рябоватый толстогубый пенсионер с инвалидной палочкой запросил пятнадцать рублей. Владимир, сославшись на студенческую бедность, предложил червонец. Сошлись на двенадцати, хотя официальная цена книги была 3 рубля 80 копеек. Но самое скверное, что уже в поезде Владимир обнаружил, что ему подсунили типографский брак — в культовом романе не хватало двадцати с лишним страниц. С той минуты Соколов как-то охладел к творчеству Михаила Афанасьевича. Мистика? Может быть.

5

Юрий Олеша называл писателей инженерами человеческих душ. И такой семидесятилетний инженер, с клоками благородной седины и опухшим лицом, в привычно помятом коричневом костюме и ярко-жёлтых кроссовках, подаренных внуком, бодро семенил по центру города. Иван Сергеевич Желваков, член Союза писателей России, автор исторической трилогии «Крестьянская доля», «По заветам отцов», «Земля родная» и романа «Член парткома» шёл навстречу Соколову собственной персоной.

— Иван Сергеевич, добрый день!

— Здравствуй, Володя! — обрадовался знакомому Желваков. — Сколько лет, сколько зим!

Иван Желваков выступал в их школе, когда Володя Соколов ещё учился в восьмом классе. Литературного классика областного масштаба пригласили на читательскую конференцию. В библиотеке устроили выставку его книг, журнальных и газетных публикаций. А для желающих получить автограф прозаика организовали торговлю его новой книгой «Край далёкий», хотя, как позже понял Соколов, именно ради этого и была задумана встреча с писателем.

Сначала Желваков нудно и долго рассказывал о своём детстве, выпавшем на годы войны, потом так же нудно отвечал на вопросы, заданные в основном учителями. А в самом конце встречи, когда все книги были распроданы, раздавал автографы. Открывал

титульный лист, ставил подпись и дату. И так на всех сорока экземплярах. Это уже много позднее на книге «Первая любовь» Соколову удалось получить адресованный лично ему автограф: «Володе Соколову с пожеланием удачи, успехов и любви! Иван Желваков» — размашисто начертил прозаик. Сегодня в книжных шкафах Соколова хранятся все его романы. С автографами.

— Иван Сергеевич, написали что-нибудь новенькое? — вежливо осведомился Владимир.

— Давно ничего не пишу, — холодно ответил живой классик. И тут же, словно почувствовав заинтересованного слушателя, продолжил: — А зачем? Это раньше за книги платили приличные гонорары, особенно в столичных издательствах. Помню, за «Крестьянскую долю» мне отвалили четыре с лишним тысячи рублей — на эти деньги можно было автомашину купить. А теперь что? В большинстве литературных журналов ни копейки не платят, а где платят, туда не пробиться. Везде свои да наши. А издаваться за свой счёт нет никакого резона.

— Зря вы так, Иван Сергеевич. С вашим-то талантом написали бы что-нибудь о сегодняшней жизни, пусть не для публикации, а в стол, для потомков. Как в своё время Андрей Платонов. Ведь книга, как говорится, наш первый и главный учитель, а настоящая литература — это не то, что можно только деньгами измерять. По большому счету, может, и хорошо, что у нас перестали печатать всё подряд. Интересные книги народ всё равно раскупит, сколько бы они ни стоили.

— Вашими бы устами да мед пить, — усмехнулся Желваков. — Это раньше мои исторические романы шли нарасхват, в библиотеках за ними выстраивалась очередь, а сегодня за них в базарный день копейки не выпросишь! Книги никому не нужны! Это какая-то шизофрения! Помяните моё слово, но при нынешнем отношении государства к литературному труду писатели в нашей стране скоро переведутся, как мамонты! Извините, спешу в аптеку за лекарствами.

— Всего доброго вам, Иван Сергеевич!

— И вам не хворать!

6

В середине 80-х каждый более-менее уважающий себя книжный магазин имел специально отведённый стеллаж книгообмена. Глядя на него, у завзятых книголюбов глаза загорались, как электрические лампочки. Чего там только не было: «Нечистая сила» Пиккуля, «Лолита» Набокова, «Я — следователь» Шейнина. Дефицит на дефиците и дефицитом погонял.

Но купить приглянувшуюся книгу можно было, только сдав не менее пользующееся спросом издание. Например, чтобы стать обладателем «Князя Серебряного» Алексея Толстого, нужно было принести «Ледяной дом» Лажечникова и доплатить разницу. «Угрюм-река» Шишкова менялась на «Тени исчезают в полдень» Иванова. Ян — на Чапыгина. Аркадий Адамов из приключенческой серии «Стрела» — на Леонида Словина из той же серии. А за «Волшебника Изумрудного города» Волкова продавцы требовали в качестве эквивалента — подарочный вариант сказок Чуковского.

Казалось, что в погоне за книжным дефицитом страна скоро сойдёт с ума. По городам и весям, как грибы после дождя, открывались отделения Всесоюзного общества книголюбов, члены которого имели льготы в приобретении пользующихся спросом книг. В клубах устраивались благотворительные книжные аукционы, но понять, куда уходят эти благотворительные рубли, было невозможно.

Из поездок в Болгарию и другие соцстраны счастливые партийные и комсомольские активисты пёрли перевязанные верёвками килограммы Толстого и Достоевского, Стен-

даля и Бальзака. В Софии купить первую книгу Высоцкого «Нерв» было легче, чем в Москве на Новом Арбате. Профкомы молокозаводов и мясокомбинатов тоже не только думали о хлебе насущном, но и получали по бартеру за масло и колбасу бунинские «Окаянные дни» и кунинскую «Интердевочку». Обучали своих работников, как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей по побившей все рекорды книге Дейла Карнеги.

Самостийные книжные развалы и толкучки, где народ менял и покупал, хаотично возникали в скверах и парках, во дворах клубов и домов культуры. Милицейские наряды не успевали их разгонять. А народ, как ненасытный крокодил, глотал всё подряд, не успевая переваривать проглоченное. Даже в райцентрах у книжных магазинов в день поступления товара с утра выстраивались очереди. В магазин запускали строго по десять человек. И любые книги, не только Габриэль Гарсиа Маркес или Евгений Евтушенко, расходились как горячие пирожки. Иной раз в нагрузку к ним торговцы вкладывали тоненькие брошюры классиков марксизма-ленинизма или «Малую Землю» Брежнева — уносило всё, как селевым потоком.

Половину своей зарплаты инженера-электрика Соколов тратил на книги. Словно городской сумасшедший, он бегал по книжным магазинам и барахолкам в поисках желанных книг. И хотя мать не раз намекала ему, что пора бы как-то обустроить личную жизнь, отец был полностью на стороне сына. «Жена — не сапог, с ноги не скинешь», — говорил Борис Фёдорович. И сам в тайне от супруги доставал из записки четвертной, чтобы сынок достал ему двухтомник Пикуля «Слово и дело».

7

— Альберта Семёновича можно? — спросил в трубку Соколов, набрав номер из газетного объявления. — Я тут прочитал, что вы старыми книгами интересуетесь?

— А что у вас есть? — по-еврейски вопросом на вопрос ответил телефонный собеседник.

— Да как вам сказать, много чего, — растерялся Соколов. — Полные собрания сочинений русских и зарубежных классиков...

— Давайте прямо по фамилиям!

— Вальтер Скотт, Дюма, Гюго, Пушкин, Лермонтов, Толстой...

— Мог бы, конечно, взять что-то на реализацию, но нет свободного места. Так что извините...

— По философии кое-что есть, — боясь, что Альберт Семёнович положит трубку, торопился Соколов. — Павел Флоренский, Николай Бердяев, Розанов, Шопенгауэр...

— Это уже интереснее. Из серии «Мыслители XX века»? Приходите со списочком, чтобы не таскать эти кирпичи, — посмотрим.

На Альберта Семёновича возлагал Соколов большие надежды. Но они испарились, как утренний туман, едва лохматый, словно домовый, с жёлтым в пигментных пятнах лицом старикашка взял список в руки. Одного взгляда его хитроватых с прищуром еврейских глаз хватило, чтобы поморщить нос, по-детски сложить губки бантиком и наконец выдать:

— Я полагал, у вас что-нибудь серьёзное.

— Например? — не сдавался Соколов.

С одной стороны, он чувствовал природную неловкость от того, что побеспокоил занятого человека, а с другой, как книголюбу с двадцатилетним стажем, ему было интересно, что же всё-таки этот поживший на свете человек вкладывает в понятие «серьёзное». Старьёвщик пожевал губами, словно припоминал что-то очень важное, и ведь вот незадача — не мог вспомнить, снова поморщил нос и сказал:

— Ну, например, «Исторические корни волшебной сказки» Владимира Проппа или «Русский эротический фольклор» Андрея Топоркова — у меня тут ими очень интересовались. Спрашивали дореволюционные издания Андрея Александровича Титова. Кстати, вы хоть имеете представление, кто это?

— «Ростовский уезд Ярославской губернии», «Кремль Ростова Великого»...

— Титова я бы у вас с руками оторвал. А что касается мыслителей XX века, то, извините меня, старика, особого интереса они сегодня не представляют.

И тогда Соколов отправился на барахолку.

Он много слышал о ней. Знал, что где-то по четвёртому маршруту автобуса, в частном секторе, есть мини-рынок, куда народ тащит всякую дребедень. Всех размеров сапоги, ложки, вилки, утюги. Заезженные пластинки и затёртые видеокассеты, советские открытки и монеты. И, конечно, книги. Не зря туда каждый выходной, как на работу, съезжаются чуть ли не все городские старьевщики и антиквары.

Весь субботний вечер Владимир Борисович, словно припёртый ревизией товаровед, угробил на отбор книг для первой распродажи. Складывал в дорожный баул только самые дешёвые издания. Знающие люди предупреждали, что таскать на барахолку книги дороже полтинника — сизифов труд. Но всё равно каждую книгу, будь то «Зловещие мертвецы» или «Империя вампиров», купленные на волне книжного ажиотажа двадцать лет назад, было жалко. И с повестью Владимира Кунина «Интердевочка», отпечатанной Красноярским книжным издательством на газетной бумаге, было жалко расставаться. Она и стоила-то тогда всего два рубля. Нынче за такие деньги в автобус не посадят. Или вот ещё один сногшибательный роман «Каникулы в Калифорнии» — 60 страниц примитивного эротического чтива. И хотя умом Соколов понимал, что эта макулатура вряд ли кого всерьёз заинтересует, каждую брошюрку как от сердца отрывал.

А утром встал — и всё переиграл. Вместо неприглядных пожелтевших от времени жалких брошюрок набил сумку серийными детективами с красочными обложками. Сергей Лавров. Бомбистка Оленька, Алексей и Ольга Ракитины. Царская экспертиза... Названия книг говорили сами за себя. Когда-то он сам читал их запоем. А теперь надеялся продать. Хотя бы по полтиннику. Двадцать книг — тысяча рублей! Очень даже неплохо.

И действительно, стоило Соколову разложить книги, как к ним потянулся народ. Больше других покупались на глянцевые обложки женщины бальзаковского возраста. Они читали аннотации, пытались вникнуть в содержание, задавали приводящие в ярость вопросы: «А вы сами это читали?» «Отличная вещь, не пожалеете, — не претендуя на оригинальность, отвечал Соколов. — Сколько просите?»

И тут польщённый вниманием продавец, что называется, раскатал губу. С полтинника загнул цену до стольника. Откровенно говоря, для хорошей книги разница невеликая. Поначалу ему думалось, что покупательницы походят-побродят по развалам и непременно вернуться. Но он ошибался. Барахолка — не книжный магазин. У проходящих сюда людей совсем другая психология, сломать которую невозможно. Если они и захотят что-то купить, то купить только очень дёшево!

Владимир Борисович понял это, когда людской поток обмелел, да и сами торговцы стали собирать свой незатейливый скарб. За три с половиной часа он так ничего и не продал. От долгого стояния прострелило поясницу. Её ломало так, как будто в спину заколотили с десяток деревянных клиньев. А ещё неудержимо хотелось сбегать в кусты. Мочевой пузырь грозился пустить течь. Но Соколов боялся оставить товар без присмотра. Присмотреть же за его книгами было некому — приличные люди уже смотались. А разная пьянь, сбившись в компании, уже заливала горло дешёвым алкоголем.

Соколов закинул ремень сумки на плечо и медленно поплёлся в сторону автобусной остановки. Поговорка о том, что своя ноша не тянет, была не права. Полуденная сумка была тяжелее утренней. Факт.

Ночью у него случились галлюцинации. Сначала он долго не мог уснуть, а когда засыпал, ему, словно в кошмарном бреду, виделись какие-то монстры, торгующие книгами. Книги никто не покупал, и от этого монстры злились. А под утро всю свою злость чудовища решили выместить на Соколове.

8

Число знакомых, промышляющих книгами, росло в геометрической прогрессии. Всё свободное от работы время, а то и в обеденный перерыв, Соколов мотался по книжным магазинам, развалам, толкучкам. Покупал, продавал, выменивал.

Но самое интересное, что, обжёгшись однажды на Вадиме Стрелочнике, он больше ни с кем по-настоящему не подружился. Общался по принципу: здравствуй — до свидания. И даже если кто-то давал ему телефон, то дальше имени дело не шло. Чтобы хоть как-то идентифицировать своих знакомых, Владимир помечал в ежедневнике: Коля (дефективы). Игорь Сергеевич (с/с, ЖЗЛ). Сергей (Москва).

С Сергеем, который частенько привозил из Москвы недорогие книги, Соколов общался больше других. Перед очередной поездкой в первопрестольную Сергей частенько звонил. Сыпал названиями книг, брал заказы, а как-то даже предложил:

— А поехали завтра на книжный базар. К кинотеатру «Севастополь».

И Соколов поехал. Из интереса. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. А еще, прекрасно зная чисто коммерческую направленность Сергея, ему думалось, что в Москве выбор книг побогаче того, что ему предлагают у себя.

Билетов на ночной поезд не было. И редко куда выезжавший Соколов даже не представлял, что в первом часу ночи на железнодорожном вокзале может быть такой Вавилон. Все лавочки заняты, народ сидел на батареях отопления, сумках, чемоданах, ручных тележках. От входящих в моду безразмерных клетчатых сумок рябило в глазах. Народ ехал за товаром на знаменитый Черкизон — Черкизовский вещевого рынка. И только они вдвоём с Сергеем из всей этой пёстрой публики ехали в столицу за книгами.

По громкоговорителю объявили о прибытии поезда — и вокзал ожил, как встревоженный муравейник.

— Не отставай! — скомандовал Сергей и галопом устремился в конец платформы. Словно наперегонки, рядом бежали мужчины и женщины, молодёжь и старики. И все без билетов. Проводницы купейных вагонов по причине отсутствия мест даже не опускали тамбурных площадок. Народ нёсся в конец состава, к заветному вагону под номером восемнадцать. Его хозяин, разбитного вида парень в серой железнодорожной форме, глядя на приближающуюся толпу, предусмотрительно, чтобы не оказаться покалеченным, поднялся в тамбур. Предупредил:

— Вагон — не резиновый! Беру только двенадцать человек! Понятно?

Им повезло. Они оказались в первой пятерке. Через минуту проводник загремел дверью. Состав дёрнулся и, набирая скорость, потащился вдоль перрона.

Несмотря на ранний час, у кинотеатра «Севастополь» толпился народ. В основном мужчины с портфелями и кейсами. Продавцы потихоньку раскладывали книги прямо на асфальте, предусмотрительно подложив под них обёрточную бумагу. И первое, на что обратил внимание Соколов, был роман Анн и Сержа Голон «Анжелика». Рука сама потянулась к красочной целлофанованной обложке:

— Сколько?

— Четвертной, — бросил не очень разговорчивый мужчина в очках. С виду обычный советский инженер, а по сути, перекупщик и спекулянт. На книжке, отпечатанной в Риге двухсоттысячным тиражом, стояла цена — 6 рублей!

— С каждой пачки — червонец скидка, — добавил продавец в надежде на оптового покупателя.

— Я подумаю, — соврал Соколов.

У него была макулатурная «Анжелика» и покупать ещё одну, пусть и в серийном оформлении с цветными вкладками, он не собирался. А то подсел бы на все одиннадцать томов, которые по причине инфляции с каждым годом становились всё дороже. Вторая книга «Путь в Версаль» стоила 28 рублей, а девятая — «Анжелика в Квебеке» уже 420 рублей! 10-я книга «Дорога надежды», вышедшая в 1994 году тиражом 10 тысяч, стоила 7 тысяч рублей. А последняя «Анжелика и её дети» — 7300.

Тогда было модно издавать книги в сериях сумасшедшими тиражами. Скандальный роман «Эммануэль» вышел в серии «Бестселлеры мира» в полмиллиона экземпляров. Официально. А сколько после этого ещё было дополнительных, неучтённых изданий — никто не считал.

От мировых «бестселлеров» Соколов отмахнулся. Ну, не волновали его все эти «Истории о...» и «Мадам...». А вот на печатающемся в Тбилиси Чейза купился, как начинающий наркоман на кокаин. Чейз и в России был Чейзом. От его «Ожерелья Эомальди» было нельзя оторваться. А ведь ещё совсем недавно американца можно было прочесть только в «самиздате», в третьей, а то и четвертой отпечатанной на пишущей машинке копии.

«Чёрного» Чейза тогда печатали грузинские издательства с какими-то непонятными, ничего не говорящими названиями: «Ганатлеба», «Хеловнеба», «Мицниереба», «Нугешинвест». Но, чтобы собрать три с лишним десятка книг, Владимиру потребовалось шесть лет! Причём каждый последующий том был дороже предыдущего. А изначальный тираж с двухсот тысяч к последней книге слетел до десяти. «Вот выйду на пенсию — и прочитаю», — каккогда-то отец, оправдывал себя Соколов, забывая Чейзом ряды книжных полок.

9

Соколов быстро смекнул, что благодаря перестройке и ускорению на книгах можно делать бизнес. Небольшой, конечно. Разве что на покрытие транспортных расходов и покупку в Москве продуктов питания. Создавалось впечатление, что вся колбаса, сливочное масло и майонез в одночасье перебрались в столицу. За ними и в застойные годы ездили в Москву. А теперь даже там палку «Останкинской» или кружок «Краковской» можно было купить во дворе магазина у грузчиков. Естественно, с переплатой.

Хочешь жить, умей вертеться. Соколов вертелся как белка в колесе. На местном полиграфпредприятии с заднего хода затаривался «Книгами о вкусной и здоровой пище» и десятками килограммов вёз их в Москву. Из Москвы тащил баулы с Чейзом, Спиллейном, Картером Брауном. И не только. Благодаря телесериалам сумасшедшим спросом пользовались «Возвращение в Эдем», «Богатые тоже плачут», «Унесённые ветром».

Дома быстренько раскидывал товар по знакомым и книжным магазинам — и снова в путь. Со временем их сбилась группа попутчиков-перекупщиков. Он, Серёга Велосипед, прозванный так за привычку развозить книги на велосипеде, Лев Павлович, музыкальный руководитель, и мастер цеха электросвязи Николай Иванович Птицын. Он же Птица, он же Коля Ваучер и просто Колян. Под хорошее настроение вечно поддатый Колян брал с собой в дорогу младшего брата Толяна, сидящего на инвалидности по причине ум-

ственной отсталости. Книг тот, естественно, не читал. Но добросовестно перевозил их на двухколёсной тележке. Из-за этой самой тележки у Птицы на Ярославском вокзале как-то случился конфликт с московскими отморозками. Увидев впряжённого в тачку недоумка, парни перекрыли ему дорогу:

— Плати, брат, за Москву!

— Чего? — выпучил глаза младший Птица.

— Косарь гони за транзит!

— А вы кто? — решив взять мужиков на понт, подскочил Птица-старший.

— Конь в пальто! — через губу бросил бандит и ударил Николая лбом в лицо. Кость хрустнула, из ноздрей побежала кровь. Тележка с книгами полетела под платформу. Стоящая рядом женщина закричала: «Милиция!» А бандитов уже и след простыл.

Места книжной торговли менялись, как шпионские явки. Только Соколов с компанией вроде бы настроились на ДК железнодорожников, что рядом с Ярославским вокзалом, как торговля переметнулась к чёрту на рога — в Дом культуры «Выхино». А затем в спортклуб «Динамо». Так и мотались они по всей столице, до тех пор пока книжный базар не осел в спорткомплексе «Олимпийский». Станция «Проспект Мира». На метро по кольцевой линии от площади Трёх вокзалов одна остановка. Близко и удобно.

Говорили, что крупнейшая в России книжная ярмарка лежит под люблинской бандитской группировкой некоего Капоты. Но обычных покупателей и оптовиков со всей страны это мало касалось. Ярмарка быстро снискала популярность: здесь можно было найти все книжные новинки, поддержать их в руках, полистать. А если поторговаться, то и купить, минуя посредников, по минимальным ценам.

В «Олимпийском» дело тоже не обходилось без кидал и мошенников, накладывающих на провинциалов штрафы за загромождение лестниц или выбрасывание упаковочной бумаги. Но Соколова эти напасти миновали. Лишь однажды его, зазевавшегося на лестнице, чуть было не штрафанули, но он сразу закосил под сердечника. Отстали. Кому хочется связываться с болящим, а вдруг у него и в самом деле инфаркт?

За пятилетку Соколов перевозил из Москвы тонны книг. Но так и не разбогател. А всё потому, что каждую третью книгу оставлял себе. Его интересы и пристрастия менялись с каждой поездкой. Книгам уже не было места в стенках, на полках и антресолях. Они лежали на подоконниках, на холодильнике, стояли двухметровыми стопками возле стен...

А он всё покупал и покупал. И как он мог отказаться от Андрея Платонова, Сергея Довлатова, Захара Прилепина?

10

Ему повезло. В газетке бесплатных объявлений он нашёл телефон фирмы, целиком скупающей домашние библиотеки для комплектации книжного фонда средних и высших учебных заведений. В надежде поправить финансовое положение и разобраться с долгами Соколов позвонил.

Другой возможности одним разом погасить полугодовую задолженность по квартплате он не представлял. Управляющая компания уже давно грозила судом. А номер его квартиры постоянно красовался в чёрном списке злостных неплательщиков, что подлая староста дома вывешивала на дверях подъезда.

На звонок ответила девушка. Внимательно, со знанием дела она расспросила Соколова о его библиотеке. В ряде случаев, даже переспросила год издания того или иного собрания сочинений. Впервые за последние годы он встретил столь заинтересованную и начитанную собеседницу. С недавних пор в общении с прекрасным полом стоило ему заикнуться о своей библиотеке, как дамы теряли к нему интерес. Одно слово — книголюб!

А эта говорила и говорила. И Соколов, как ни странно, почувствовал в ней родственную душу. Но под конец разговора собеседница, с которой он надеялся скоро увидеться, прямо разочаровала его:

— Ну что ж, Владимир Борисович, — сказала девушка. — Я записала основные собрания сочинений вашей библиотеки — нам это интересно. В субботу к вам выедет наш менеджер Саша и заберёт книги. После обеда можете приходить за расчётом. Но ещё раз напоминаю, что литературу мы покупаем не по художественной ценности, а на вес. По двадцать пять рублей за килограмм. Списочек книг я Саше передам.

— А как же остальные? — заикнулся было Соколов.

— Не переживайте, Владимир Борисович, вывезем всё, что есть.

И точно: вывезли всё. Таджики-грузчики пытались забрать даже лежавший в книжном шкафу потрепанный временем ежедневник. Тот самый, куда сначала отец, а затем и Соколов-младший в алфавитном порядке записывали наиболее ценные книжные раритеты. Менеджер Саша, худой скуластый парень, чем-то напоминающий бандита, не внушал доверия. Особенно нелепо для специалиста, занимающегося комплектацией книжного фонда вузов, выглядел выколотый у него на шее паук. Соколов даже хотел спросить, что означает такая татуировка. Но постеснялся.

Эх, сколько негодования в конце восьмидесятых вызвала у него газетная публикация «Меняю домашнюю библиотеку на “Жигули”». И четверти века не прошло, а уже он сам с олимпийским спокойствием распродает библиотеку, хранящую память об отце и деде.

И всё же совсем не так Соколов представлял себе это скорбное зрелище. Думал, что в квартиру доставят какие-нибудь складские весы, с помощью которых взвесят каждую стопку книг, а потом суммируют общий вес. Но Саша объяснил, что это напрасная трата времени. Машина с книгами, по его словам, проедет прямо в весовую, а затем ещё раз, но уже после разгрузки. «Все будет как в аптеке», — утешил он на прощание.

...Больше Соколов его не видел. Как не увидел и обещанных денег. Указанный в газете телефон подозрительно молчал. А о фирме, скупающей книги для комплектации книжного фонда учебных заведений, вообще никто никогда не слышал!

Соколов понял, что его кинули. Наивный, он даже не записал номер приехавшей машины, настолько сильно в нём было желание одним разом расстаться с библиотекой. Так, наверное, замученный невыносимой болью человек соглашается на операцию, чтобы навсегда удалить то, что его беспокоит.

Проснувшись утром в осиротевшей без книг квартире, Соколов забрался на подоконник и под стать современным подросткам выбросился из окна...

«А ему повезло. Несмотря на четвёртый этаж, ни одного перелома», — осмотрев пациента, подумал доктор Глейхман.

Он сразу узнал этого ненормального книголюба конца восьмидесятых. Несколько раз они с ним даже как-то пересекались...

Но серьёзные опасения вызывало психическое состояние больного. Его мыслительный процесс был лишён всякой последовательности и логики. Пациент ни с того ни с сего начинал перечислять фамилии каких-то писателей, при этом путался в именах и названиях написанных ими книг. Говорил короткими фразами, подолгу подбирая слова. Мимика была скудная, во время беседы избегал прямых взглядов. Критика к своему состоянию снижена.

Ещё раз взглянув на измученное лицо пациента, доктор Глейхман записал в медицинской карте, что у больного наблюдается выраженное изменение личности, связанное со зрительным восприятием. Нуждается в госпитализации. Предварительный диагноз: шизофрения параноидная, непрерывное течение, параноидный синдром. Лечение: ризполепт 4 мг 3 раза в день, вальдоксан по 1 таблетке раз в день, азалеπτин 50 мг на ночь.